

на Константина Левина, что подтверждается текстом подготовительных материалов и существующими исследованиями, но и на Дмитрия Нехлюдова из рассказа «Люцерн: из записок князя Д. Нехлюдова» (1857). В доказательство докладчик привел фрагмент из исповеди Версилова, где герой сообщает о появившейся за рубежом потребности осчастливить конкретного человека, а не «какого-нибудь подвернувшегося немца или немку». Предполагается, что это аллюзия на поступок Нехлюдова в отношении тирольца из «Люцерна». Возможность такой интерпретации подтверждается и другими фактами. Версилов хорошо разбирается в творчестве Толстого от автобиографической трилогии до печатавшейся «Анны Карениной», об этом сообщено в черновой рукописи романа. Кроме того, эта аллюзия соотносится с другими примерами использования толстовского контекста в романе «Подросток».

И. А. Кравчук (Санкт-Петербург) выступил с докладом «Творческие связи Н. С. Лескова и М. Е. Салтыкова-Щедрина». Наиболее перспективным направлением в исследовании темы докладчик назвал выявление фундаментальных сближений Лескова и Щедрина на уровне повествовательных структур и жанровой поэтики. Еще И. П. Видуэцкая и Н. Н. Старыгина обращали внимание на повышенный интерес Лескова и Щедрина к циклическим формам. Развивая эти концепции, можно поставить вопрос о «гостомельском» цикле Лескова как своего рода ответе на «крутогорский» цикл Салтыкова. В том и другом случае писатели стремились разорвать тесные рамки предшествующей социально-психологической оптики, пробле-

матизировать понятие типа в современной им литературе.

Лю Лянчэнь (КНР) представил вниманию участников доклад «Лишние люди и „желчевики“». Названные типы докладчик рассмотрел как представителей двух поколений интеллигенции: дворянства и разночинцев, которые пришли на смену «лишним людям» во второй половине XIX века. В русской литературе данного периода шел интенсивный творческий диалог о «желчевиках» с участием Н. Г. Чернышевского, Д. В. Григоровича, А. И. Герцена и Ф. М. Достоевского, которые по-разному рассуждали в связи с «желчевиками» и о самой этой «физиологической» метафоре. В докладе рассматривалась также другая «точка пересечения» многих писателей в трактовке образов разночинцев и революционеров: «боль в печени».

Темой доклада Вэй Жэня (КНР) стала «Художественно-автобиографическая литература второй половины XIX века как поле „пересечения“». В нем рассматривались произведения С. Т. Аксакова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, А. П. Чехова, П. А. Кулиша и А. Я. Панаевой о детстве. Речь также шла о переводах произведений Ч. Диккенса как существенном факторе, влиявшем на трактовку этой темы в русской литературе. В докладе была сделана попытка применения к названному материалу теории «повестки дня», которую развивал У. Липпман.

Большинство докладов вызвали оживленную дискуссию.

© С. А. Кибальник

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-3-274-278

ПЯТЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАБΟКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

С 20 июля по 20 августа 2024 года в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Музее Иосифа Бродского «Полторы комнаты» и Музее-усадьбе «Рождествено» в очном и онлайн форматах прошли международная научная конференция и просветительский фестиваль «Набоковские чтения». В этом году мероприятия были приурочены к 125-летию со дня рождения В. В. Набокова. Трансляции заседаний конференции доступны на YouTube-канале Пушкинского Дома.

Фестиваль стартовал 20 июля открытием выставки «Современники: Набоков и Бродский». Имена двух величайших петербургских авторов XX века редко звучат вместе — слишком разными они были и как писатели, и как личности. Однако многое их и объединяло — и город, ставший героем многих их текстов, и неприятие «мимолетности времени», и способность «с неестественной ясностью, словно

сквозь мощную линзу» увидеть и запечатлеть события своего петербургского/ленинградского детства.

На выставке впервые был представлен оригинал письма Бродского из собрания музея «Рождествено», в котором он высказывает свое неожиданное мнение о Набокове-писателе. Также можно было увидеть машинопись стихотворения «Остановка в пустыне» 1968 года с надписью Бродского «в благодарность за джинсы», подаренную его другу К. М. Азадовскому.

На открытии речь шла о предыстории письма, а также о том, как Набоков и Бродский относились друг к другу, что объединяло и что разъединяло этих двух великих современников. Письмо Бродского прочла А. И. Кузнецова. Также Т. О. Пономарева выступила с лекцией «Петербург Набокова и Бродского», на которой речь шла о том, каким мы видим город в воспоминаниях двух писателей.

Первый день конференции открылся докладом В. Г. Тимофеева (Санкт-Петербург) «Нарраторы-призраки в произведениях Владимира Набокова». Исследователь развивал идеи С. А. Фомичева, обращая особое внимание на ряд важных параллелей и аллюзий. Интертекстуальные игры в «Ultima Thule» носят характер маскарада. Аллюзия предлагается не напрямую, а через маски: Данте под маской молодого восторженного Гоголя, Пушкин в маске Белкина из «Истории села Горюхина». Таким образом, связь, которую пытается установить Синеусов, — это не связь с миром покойных одномертников, а устойчивый канал с миром, в котором обитают «души в заветной лире», вечность, уготованная художникам после смерти, а при их жизни служащая неисчерпаемым источником материала для собственного творчества.

Продолжилась секция выступлением Ю. А. Богатиковой (Москва) «Имена собственные в романе В. В. Набокова „Прозрачные вещи“: парадигмальный подход». Роман уже рассматривался исследовательницей в качестве «абстрактной картины», которая дает ослепленный взгляд на творческий метод Набокова. Ранее было дано обоснование такой «абстрактности» романа с позиции теории речевых актов, в нынешнем же докладе было показано, каким образом Набоков встраивает это «образцово-показательное» произведение в культурную парадигму читателя и актуализирует когнитивные механизмы сотворчества в процессе чтения.

Л. Н. Рягузова (Краснодар) в сообщении «Дероманизация романа в поэтике и теоретической рефлексии В. В. Набокова» реконструировала некоторые теоретико-литературные представления Набокова о жанре романа (в том числе на материале интервью, критических заметок и писем автора, дополняющих, интерпретирующих его художественное творчество и подтверждающих целостность его эстетических позиций), проследила механизмы нарушения и преодоления нарративной функции романного дискурса. Были даны, в частности, расшифровки формулы «не роман в привычном смысле» («Пнин») и метафорического определения специфики романа как «жизненного гибрида» («Полита»).

Наблюдениями о «Методы активного воображения в произведениях В. Набокова» поделился А. О. Филимонов (Санкт-Петербург). Погружение в бездну бессознательного свойственно героям Набокова. На основе памяти, интуиции и мифологических архетипов они преобразуют действительность по воле автора, также погружающегося в пучину бодрствующего сновидения. В этом пространстве грез происходят внешние и внутренние события, где персонажи наравне с предметами, перенимающими человеческие качества, участвуют в построении текста. Порой трудно отличить Лужина, Федора Годунова-Чердынцева от самого Набокова, однако писатель оставляет подсказки. Так читательское сознание активно включается в процесс разгадывания и домысливания, вовлека-

ясь в интеллектуальный и духовный поиск истины, «спрятанной» автором.

Завершилась первая секция докладом А. В. Борискиной (Краснодар) «„Муза, жизнь моя“: репрезентация образа поэтического вдохновения в металирике В. Набокова».

Вторая секция открылась выступлением В. Б. Полищук (Санкт-Петербург) «Набоков и Бродский: вещи в памяти», которое было посвящено опыту писательства на двух языках и осмыслению эмигрантской ностальгии в художественной форме, объединяющим двух авторов разных поколений. В их поэтике прослеживается сходство, которое касается художественных способов передачи воспоминаний, особенно о материальном мире утраченной прежней жизни. Исследовательница сосредоточилась на анализе художественной прозы и мемуаров Набокова и эссеистики Бродского.

В докладе А. Б. Олеара (Томск) «Англоязычный вызов. Набоков и Бродский» рассматривался ранее не исследованный аспект литературных и личных отношений Набокова и Бродского, которых объединяет опыт эмиграции и письма на двух языках, а именно культурно-исторические отличия и разница поэтики обоих авторов. Особое внимание было уделено тому, что Бродский воспринимал билингвальное творчество Набокова как своеобразный вызов и в своих стихах делал попытку на него ответить.

Р. Р. Горoshковой (Санкт-Петербург) в сообщении «„Симпатичные маленькие подражания“ Флоберу в малой прозе Набокова» были проанализированы интертекстуальные связи произведений «Король, Дама, Валет», «Рождество», «Пасхальный дождь», «Картофельный эльф» — с романами Г. Флобера «Госпожа Бовари», «Простая душа» и «Воспитание чувств». Так, вылетевшая из шкафа госпожи Обен в «Простой душе» бабочка перекликается с найденным в коробке умершего сына Слепцова в «Рождестве» шелкопрядом. А характер главной героини повести Флобера Фелисите повторяется в образе героини «Пасхального дождя» Жозефины Львовны. Похожий механизм параллелей обнаруживается и между «Картофельным эльфом» и «Воспитанием чувств». Выступавшая предприняла попытку объяснить сходство писательских задач обоих авторов.

А. Солька (Швейцария) сделала сообщение «Швейцарские годы Набокова и его влияние на европейскую литературу: интертекстуальные связи и параллельный анализ творчества швейцарских писателей Моник Ледерах и Стефани Коринны Бийе».

Завершилась секция докладом Е. Г. Белоусовой (Челябинск) «„Авиатор“ Е. Г. Водолазкина в свете набоковской традиции». Было продемонстрировано схожее понимание природы памяти Водолазкинским и Набоковым — как способа воскрешения прошлого — и ее аксиологии: высшей ценностью обладают личные впечатления и связанные с ними ощущения. Способом сохранения прошлого и утверждения непреходящей ценности человеческого

«я» для Водолазкина, как и Набокова, является искусство, во многом набоковскими оказываются у Водолазкина и решения по организации текста: например, принцип зеркальности, который создает пары многочисленных двойников в романе. Таким образом, набоковский подтекст используется как способ углубления смысла и прояснения авторских представлений о сущности бытия и творчества.

Последняя, третья, секция первого дня конференции открылась выступлением Я. В. Погребной (Ставрополь) «Художественно-смысловое значение каламбура в рассказе В. В. Набокова „Удар крыла“».

Г. Ю. Мальцева (Белгород) сделала доклад «„Сказка“ Владимира Набокова: волшебная игра в обрамлении хиазма», посвященный анализу одной хиазматической конструкции. Хиазм рассматривался как рамочный элемент, сильная текстовая позиция, вмещающая в себя весь текстовый смысл. В рамках теории игровой поэтики хиазматическая конструкция организует интеллектуальные ловушки для читателя. Так, образ госпожи Отт, черта в женском облике, встроенный в хиазматическую конструкцию, позволяет не доверять поверхностному восприятию текста, а идти путем, предложенным самим автором, — скрупулезного перечитывания.

Завершилась секция выступлением Е. В. Антошиной (Томск) «Источники формирования репрезентации времени как феномена в прозе В. В. Набокова (на материале рассказа „Превратности времен“)». Начало рассказа акцентирует тему памяти, а сам он построен как воспоминание. Набоков выделяет линию восприятия времени как феномена, не связанного с «историей» или «культурой» в их структуралистском понимании. Он отказывается наделять исторические феномены смыслом, исходя из классификации (марксизм и др.) или сопоставления с метаструктурой (психоанализ). И чтобы подчеркнуть этот подход, использует «остранненное» в толстовском смысле описание технических новшеств (в частности, аэропланов), которые становятся воплощением времени, но смысл появления этих «обожжаемых чудовищ», «великих летающих машин» так же неясен, как траектория стаи лебедей, однажды пролетевших над озером в Мэне.

Первая, студенческая, секция второго дня конференции открылась докладом Д. С. Долгобородовой (Санкт-Петербург) «Память жанра как пространство для „телепатической связи“». Были выявлены конкретные пересечения между романом А. Н. Егунова «По ту сторону Тулы» и рассказом Набокова «Ultima Thule». Особенное внимание было уделено связи с античным претекстом («Невероятные приключения по ту сторону Тулы» Антония Диогена), а также разработке вопроса об общности нарративных схем и мотивного построения. Для теоретического обоснования этого сходства использовались идеи М. М. Бахтина о памяти жанра, а также методы, примененные им для анализа менипповой сатиры.

В докладе М. В. Прокофьева (Санкт-Петербург) «Светские гостиные во время войны: „Война и мир“ Льва Толстого как претекст рассказа Владимира Набокова „Conversation Piece, 1945“» была выдвинута гипотеза о том, что в рассказе писатель опирался на канонический текст, отсылки к которому помогли перенести актуальную политическую тему в область эстетики. Придумывая фамилии Mrs. Sharp и Mrs. Hall, Набоков анаграммировал имена Annette Scherer и Hélène. Роль неуместного гостя на званом вечере, в которой постоянно оказывался неуклюжий Пьер, в «Групповом портрете, 1945» отведена безымянному нарратору — главному герою. Как известно, Пьер — «„автобиографический“ образ» романа (формулировка Б. М. Эйхенбаума), один из «представителей» Толстого (так Набоков назвал Левина в лекции об «Анне Карениной»). Вводя в рассказ своего представителя и наделяя его собственными политическими взглядами, Набоков подчеркивает литературность этого приема через отсылки к «Войне и миру».

Л. Р. Шмигельская (Симферополь) выступила с сообщением «Система именных сверхтекстов в творчестве В. В. Набокова». Одним из ключевых направлений современного литературоведения является изучение сверхтекстовых образований: их генезиса, структуры и функционирования. Если специфика топического, именного и событийного сверхтекстов уже получила достаточно емкое научно-теоретическое осмысление, то принципы формирования их внутренней типологии вызывают интерес и порождают дискуссии. Набоковская иерархия русских поэтов и писателей, входя в художественное пространство, трансформируется в стройную систему персонических текстов. А многообразие их структурно-семантических интерпретаций позволяет сформировать уникальную типологию, которая в перспективе способна стать универсальным средством анализа именного сверхтекста.

Завершилась секция докладом А. А. Тишковой (Санкт-Петербург) «В. Пелевин: по следам В. Набокова». Несмотря на то, что Набокова называют предвестником русского постмодернизма, его влияние на русскую прозу второй половины XX века остается малоизученным. Выступление представляло собой исследование возможного набоковского следа в ранней прозе В. Пелевина. Скрытые набоковские аллюзии и реминисценции, которыми насыщены ранние тексты Пелевина, дополняются сходством используемых авторами приемов и способов организации мотивов. Выявленное типологическое родство позволяет сделать вывод о близости творческих методов Набокова и Пелевина.

Пятая секция конференции началась с доклада М. Я. Вайскопфа (Израиль), посвященного реценции Набокова в русскоязычной диаспоре Израиля и истории переводов Набокова на иврит, — ранее эти вопросы в набоковедении не изучались. Особое внимание было уделено хронологии переводов Набокова, связанной с хронологией волн репатриации из СССР,

и общему контексту рецепции и переводов русской литературы в Израиле. Затронута значимость Набокова для советских репатриантов, определяемое важным для писателя вопросами свободы воли, слова и сохранения идентичности в эмиграции.

Затем выступили В. Ю. Лебедева (Елец) с докладом «„Пиковая дама“ А. Пушкина и „Знаки и символы“ В. Набокова: загадка трех карт» и М. М. Емельянова (Италия) с докладом «Билингвальный анализ ботанической и энтомологической образности в поэзии Набокова».

Шестая секция открылась докладом Д. И. Сергеева (Санкт-Петербург) «„An Autobiography“ — „Revisited“?», где рассматривалась гипотеза о том, что название «Revisited» в подзаголовке последнего варианта автобиографии Набокова отсылает к стихотворению Пушкина «Вновь я посетил...». Было высказано предположение, что названия более ранних вариантов автобиографии также могли восходить к пушкинскому стихотворению, и объяснено, как это связано с «Набоковскими землями в Санкт-Петербургской губернии».

Выражение «ингредиент» использовалось Набоковым по отношению к одному из его друзей, который отчасти послужил прототипом героя романа «Подвиг». В докладе Т. О. Пономаревой (Санкт-Петербург) было исследовано предположение о том, что одним из «ингредиентов» героя романа «Пнин» мог быть профессор Гарвардского университета известный филолог Д. И. Чижевский. Это предположение было сделано одним из родственников Набокова, бывшего одновременно студентом Чижевского. Профессора Пнина сближают с Чижевским некоторые детали биографии и особенности преподавательского стиля, а также взаимная вражда и академическое соперничество с Набоковым, проявившиеся как в набоковских комментариях к «Евгению Онегину», так и в письмах Чижевского к М. Карповичу.

Р. Ю. Волкова (США) рассказала «О ферме, на которую ездил отдыхать Пнин». По принятой в набоковедении традиции поездку Пнина на ферму к Кукольникову связывают с посещениями Набоковым дачи М. Карповича в Вермонте в начале 1940-х годов. Однако на основании тщательного анализа происходящих в романе событий можно утверждать, что речь идет о 1950-х годах, когда русский центр общения находился в штате Нью-Джерси, в той его части, которая традиционно называлась Pine Barrens (Сосновые пустоши). История русской Сосновой пустоши начинается с середины XIX века, когда в Америку бежали выходцы из Карпат и Закарпатья, русины или, как они себя еще называли, карпатороссы. Пнин едет в гости к некоему потомку Кукольникова, что должно напомнить о самом известном русинском поэте XIX века — Несторе Кукольнике.

Заклучил секцию рассказ Е. Б. Белодубровского (Санкт-Петербург) «О переписке с В. Е. Набоковой 1989 г.».

Второй день конференции завершился показом в киностудии «Ленфильм» документаль-

ных фильмов М. Труш и В. Самородова «Мой Набоков» (2021) и «Возвращение Набокова» (2022) в рамках «Набоковского фестиваля». В первом фильме — через разговоры с потомками и исследователями — создатели попытались найти ответы на вопросы о том, как лучше узнать Набокова и приблизиться к нему. Второй фильм посвящен уникальному с культурной точки зрения событию — передаче на родину швейцарского архива писателя, который сохранили его жена Вера и сын Дмитрий.

На седьмой секции конференции прошла презентация новой концепции Музея-усадеб «Рождествено», о которой рассказывали заведующая музеем И. В. Авикийнен (Санкт-Петербург) и старший научный сотрудник Д. И. Сергеев.

Также были презентованы новые издания по набоковедению. М. Манолеску и Я. Шупен (Франция) подготовили издание дневника В. Е. Набоковой («Ураган „Лолита“») и сборник статей по набоковедению в серии «Cahiers de l'Herne». Автор книги «Тайные деревья Набокова» С. Блэквелл (США) рассказал о своей новой работе. Главный редактор «Симпозиума» А. К. Кононов (Санкт-Петербург) также продемонстрировал последние набоковедческие книги издательства: два выпуска альманаха «Набоков и современники», а также сборник статей Г. Креймера «„Лолита“, доктор Рэй и пошлаина нравственности».

Восьмая секция представляла собой круглый стол «Набоков-комментатор и комментаторы Набокова», в котором приняли участие авторы комментариев к юбилейному десятилетнему изданию Набокова, вышедшему в 1999 году.

А. А. Долинин (США) во вступительном слове сделал краткий обзор всех текстов Набокова на русском и на английском языках, которые относятся к жанру комментария, отметив при этом, что в набоковедении пока нет ни одной работы, посвященной Набокову-комментатору. И. А. Пильщиков (США) остановился на некоторых особенностях комментариев Набокова к «Евгению Онегину». Он отметил, что единственное издание комментариев в русском переводе требует обновления, так как за эти годы были выявлены не только некоторые ошибки Набокова-комментатора, но и ошибки авторов комментария к этому изданию.

В собственно докладе А. А. Долинина был рассмотрен вопрос о роли комментария в литературоведении и о его значимости для читателей. Основная часть выступления была посвящена тому, что должен включать в себя комментарий, опыту работы над комментарием к роману «Дар» и читательским откликам на эту работу. Выступление Г. А. Левинтона (Санкт-Петербург) также было посвящено роману «Дар» и тем его деталям, которые пока не получили полного комментария, и стало своего рода дополнением к работе Долинина.

Ю. Левинг (США) сделал обзор существующих изданий Набокова и предложил принципы создания будущего собрания сочинений.

В. Б. Полищук вслед за ним также отметила важность исторического и биографического комментария для читателей и поддержала предложение о дополнении комментариев визуальными материалами, причем упомянула и современное автору кино.

А. Д. Яновский (Санкт-Петербург) присоединился к предложению о создании нового собрания сочинений Набокова, причем не только в бумажной, но и в цифровой форме. В заключение круглого стола выступил А. К. Кононов, который организовывал работу над десятичным изданием. Он проанализировал особенности издания 1999 года, а также практические перспективы создания нового собрания сочинений. Одна из редакторов издания «Симпозиума» А. В. Глебовская (Санкт-Петербург) выра-

жала надежду на новое собрание сочинений и отметила важность сохранения Набокова в читательском поле.

В продолжение «Набоковского фестиваля» также прошли онлайн-лекция культуролога и краеведа А. Север (Санкт-Петербург) о Петербурге набоковского времени, экскурсия Д. И. Сергеева по набоковским местам села Рождествено и лекции литературоведов в Музее Бродского: В. Б. Полищук — «Набоков и Бродский: натюрморты памяти», М. Рубинс (Великобритания) — «Современник ли нам Иосиф Бродский?» и Д. Н. Ахапкина (Санкт-Петербург) — «В кругу другого языка: Vladimir Nabokov, Joseph Brodsky».

© П. В. Бояркина

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-3-278-280

XLIII НЕКРАСОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

4–5 февраля 2025 года состоялась очередная международная XLIII Некрасовская конференция, организованная Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и Мемориальным музеем-квартирой Н. А. Некрасова. В ней приняли участие известные исследователи из России, Болгарии, Китая, США и Эстонии, выступившие в смешанном формате (офлайн и онлайн, стендовые доклады).

Первый день конференции по традиции прошел в Пушкинском Доме, где к участникам и слушателям обратился с приветственным словом директор Института В. В. Головин.

Утреннее заседание открыл В. И. Мельник (Москва) докладом «Сборник „Мечты и звуки“ как этап творчества Н. А. Некрасова». Традиционно первая книга поэта считается ученическим опытом, однако можно заметить, что поэт стремится к оригинальности мысли и формы, полемизирует с романтическим скептицизмом, противопоставляет его каноническому церковному отношению к нравственным и духовным проблемам.

М. С. Макеев (Москва — Санкт-Петербург) в докладе «О составе „панаевского цикла“» акцентировал внимание на том, что некоторые из текстов включались в научные издания или исключались из них без достаточных оснований. Так, например, сомнение в правильности адресации вызывает стихотворение «Тяжелый крест достался ей на долю...», относимое к циклу только благодаря свидетельству Н. Г. Чернышевского.

Вэй Синь (КНР) в сообщении «„Княгиня Волконская“ как „педагогическая“ поэма» показал, что героиня Некрасова проходит традиционный для женского персонажа того времени путь развития — от эмоции к рефлексии.

В докладе «К описанию литературного фона „Обыкновенной истории“: И. А. Гончаров и В. Ф. Одоевский» А. С. Бодрова (Москва — Санкт-Петербург) проанализировала типологическую взаимосвязь современной части «Петербургских писем» Одоевского и первого романа Гончарова. Схожая последовательность расположения эпизодов в этих текстах позволяет предположить не только типологическую, но и генетическую близость: с фрагментами журнальной публикации «Петербургских писем», опубликованных в «Московском наблюдателе» (1835. № 1), Гончаров мог познакомиться вскоре после окончания Московского университета.

А. Е. Козлов (Новосибирск) обратился к теме «Две редакции поэмы Д. Д. Минаева „Кому на свете жить плохо“». По его мнению, Некрасов создавал удобные формы стихотворных текстов, которые использовались другими авторами. Вторичные художественные произведения, подобные поэме «Кому на свете жить плохо», часто берут многое у донора, но формируют собственную интерпретативную сферу.

Е. Н. Пенская (Москва) в докладе «„Кузнец-гражданин“. Контексты стихотворения Н. А. Некрасова „Памяти Н. А. Милотина“» продемонстрировала, что образ кузнеца, возникающий в финале произведения, имеет определенную символику в литературе и искусстве 1850–1870-х годов. Кузнечная тема часто маркирует периоды кризиса и переломных событий.

В выступлении О. И. Шапкиной (Москва) «„Стихов твоих слезы, печальны и жгучи...“: дореволюционная пресса Саратова о Н. А. Некрасове» были рассмотрены юбилейные публикации в саратовских газетах за период

Сергей Акимович Кибальник

ведущий научный сотрудник Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Sergei Akimovich Kibal'nik

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-5937-5339

kibalnik007@mail.ru

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«РУССКИЕ КЛАССИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА:
БИОГРАФИЧЕСКИЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ „ПЕРЕСЕЧЕНИЯ“,
КРИТИЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ»**

**RUSSIAN CLASSICS OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY:
BIOGRAPHICAL AND LITERARY «JUNCTIONS»,
CRITICAL RECEPTION AND INTERTEXTUAL LINKS
INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE**

[Meeting Abstract]

Полина Викторовна Бояркина

младший научный сотрудник Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Polina Viktorovna Boiarkina

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Science

ORCID: 0000-0003-2994-143X

polina.boyarkina@gmail.com

ПЯТЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАВОКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ**THE FIFTH INTERNATIONAL NABOKOV READINGS**

[Meeting Abstract]